

Владимир МОРОЗОВ¹

**ЗАЛОЖНИК ВЕЧНОСТИ².
МОЛОДЫЕ КАПИТАНЫ СТРАНЫ.**

*Молодые капитаны
Поведут наш караван!*

К окончанию Гражданской войны Россия пришла с разрушенной промышленностью, транспортом и сельским хозяйством, в условиях экономической блокады со стороны западных стран. Но и в этих тяжелейших условиях – невиданный исторический оптимизм новой власти. Практически нарождающееся государство ещё во время Гражданской войны создаёт десятки научно-исследовательских институтов по самым перспективным направлениям, снаряжает экспедиции, начинает программу борьбы с неграмотностью, появляются новые театры, массовым тиражом печатаются книги классиков литературы и т.д. Осуществление этих задач ложилось на плечи молодых командиров и комиссаров, возвратившихся с фронтов Гражданской войны.

Конечно, это начиналось не с чистого листа. Знаменитый план ГОЭЛРО был разработан и подготовлен к реализации ещё в царской России. По инициативе и под председательством академика В. И. Вернадского в 1915 году создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Академии наук (КЕПС). Эта уникальная научная организация объединила самых видных русских учёных. Комиссия провела огромную научно-исследовательскую работу, выпустила множество монографий и справочников, организовала ряд комплексных экспедиций. Были созданы многочисленные НИИ: Почвенный, Географический, Радиевый, Керамический, Оптический и т. д. И одной из задач национального масштаба для России было продолжение освоения

---

1. **Морозов Владимир Николаевич** родился 5 октября 1941 г. в Омске, куда была эвакуирована из Ленинграда его семья. После эвакуации семья вернулась в Ленинград. Окончил физический факультет ЛГУ. Доктор физ.-мат. наук. Лауреат Государственной премии. Пишет прозу, стихи и музыку. На его стихи написаны песни профессиональными композиторами. Публикуется в петербургских журналах и литературных сборниках. Лауреат первой премии Конкурса «Серебряный голубь России 2019». Автор трёх книг. Живёт в Санкт-Петербурге.

2. Продолжение. Начало см. журнал «На русских просторах» №№ 4 (47) за 2021 г., 1(48) за 2022 год.

Северного Морского пути. Маленькая остановка на пути к этой теме – промежуточная послевоенная ступенька в биографии моего деда, Макарова Федора Дмитриевича, биографический очерк о котором мы продолжаем этой публикацией.

Четырнадцатая запись в военном билете:

14. 09.1921 – 11.1921 гг. Военный комиссар. Э. м. «Десна» Балтийский флот

Как упоминалось выше, в связи с провалом очередной попытки зажечь пожар мировой революции на Востоке, деда, вслед за командующим Волжско-Каспийской флотилией Ф. Раскольниковым, переводят на Балтику: Раскольников – командующим Балтийским флотом, деда – комиссаром эсминца «Десна». На Балтику дед возвращается с огромным опытом, полученным на фронтах Гражданской войны. Он неоднократно награждался почётным оружием, а в 1920 г. – высшей наградой республики, Орденом Красного Знамени. Эсминец «Десна» был новейшим кораблём, вступившим в строй в 1916 г. и оснащённым по последнему слову техники. Во время Первой мировой войны эсминец «Десна» осуществлял минные постановки на коммуникациях противника. В октябре 1917 г. принимал участие в Моонзундской операции, затем вошёл в состав Красного Балтийского флота. Забегая вперёд, добавим, что этот корабль, переименованный в 1922 г. в «Энгельс», принимал участие в Советско – финской войне и погиб в Великую Отечественную.

Годы революционной смуты привели флот к плачевному состоянию, и требовались экстренные меры для восстановления его боеспособности. Понятно, что попытки использовать организационные принципы царской армии были обречены на провал. В ходе Гражданской войны выяснилось, что в новых условиях вести за собой солдатские массы могут лишь выходцы из той же среды. Яркий пример – Семён Буденный, который на привалах отплясывал гопака, – «свой парень». Но ему доверяли, за ним шли в бой.

По рассказам деда, отсутствие офицерских званий и золотых погон сблизало краснофлотцев и командный состав, и привычное для морской службы рукоприкладство от «своих» начальников не выглядело оскорбительным. Почти дословный его рассказ о том времени. Диалог комиссара и матроса.

Матрос: « Ты, комиссар, грамотный. Пропагандируй меня уголь грузить!» Комиссар: «Революция, пролетарский долг, интернационал, ля-ля-ля». Не убедил. Идут к командиру. Командир:

«Надо убедить?» Взмах кулака – матрос в углу на полу. «Убедил?» – «Да. Иду грузить».

В этом чумазом моряке на фото трудно узнать комиссара флотилии: по рассказам деда его тогдашнее звание соответствовало чину контр-адмирала. Полученный за время войны огромный практический опыт позволил ему за несколько месяцев привести корабль в должное состояние.

Новое назначение, Север, Архангельск.

Военный билет:

15. 11.1921 – 04.1922 гг. Военный комиссар Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана

16. 04.1922 – 08.1922 гг. Военный комиссар Гидрографической экспедиции № 288/182 Белого моря

Вероятно, участие в 1919 г. в боях на Северном фронте и знакомство с Архангельском определило это назначение. Когда читаешь материалы этих двух экспедиций, видишь завораживающие картины бескрайних снегов, ледяных торосов, из тумана выступают белые хребты ещё неоткрытых земель. Корабли вмораживают в лёд, зимовки на необитаемых островах, собачьи упряжки, белые медведи прогуливаются у палаток. Романтика Севера.

Мне запомнился застольный разговор деда с президентом Географического общества академиком С.В. Калесником, тоже участником Гражданской войны и первых советских арктических экспедиций. Словно ожило время, когда они, молодые, смелые мужчины, отправлялись в далёкие экспедиции. Наконец, началась созидательная мирная жизнь, о которой они мечтали в годы войны.

Жизненная необходимость освоения Севера с давних времён ощущалась Россией. В летописных сборниках встречаются сочинения русских путешественников по Сибири и Аляске, начиная с XII века /1/. Научные экспедиции стали отправляться на арктический Север в XVIII веке. Топонимика карт арктических морей рассказывает нам историю их освоения. Баренцево море – экспедиции Виллема Баренца 1590–х гг. по поиску кратчайшего пути в Индию. Море Лаптевых С.В. Калесником в честь братьев Харитона и Дмитрия Лаптевых, которые исследовали его побережье в

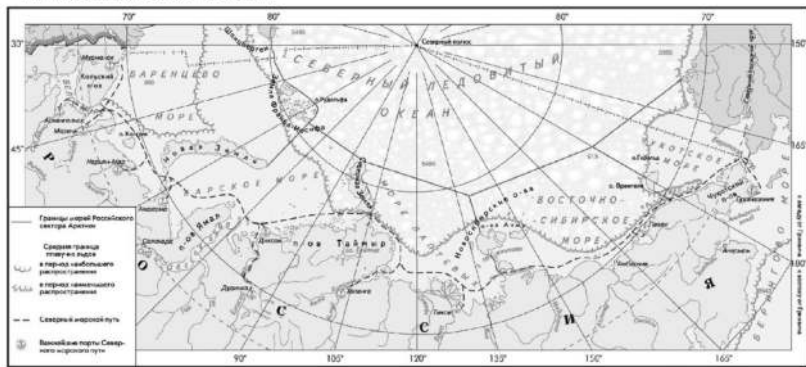
Ф.Д. Макаров.
«Десна» 1921год

1736 – 40 гг. Берингово море, Берингов пролив, остров Беринга – память начатых при Петре I Камчатских экспедиций под началом Витуса Беринга. Так имена островов, подводных хребтов, заливов и мысов рассказывают нам об исследователях Севера, организаторах экспедиций, о кораблях. К сожалению, в конце 1930-х гг. много таких именных названий по идеологическим причинам было стёрто с карт и заменено безликими названиями, вроде мыс Северный, бухта Безымянная.

Но есть и трогательная история. Остров Колчак, названный в честь романтика северных морей, участника и организатора ряда экспедиций, выдающегося учёного – океанографа, конструктора нового типа ледоколов, известного нам в качестве адмирала Колчака, Верховного правителя России, естественно, был переименован (в 2005 году имя острову возвращено). В качестве свадебного подарка своей невесте, Колчак назвал её именем один из открытых им мысов – мыс Софии. Любовь оказалась сильнее катаклизмов времени, это имя никогда не исчезало с географических карт.

Совершенно удивительна преемственность северных экспедиций. Если начать обратный счет, то сейчас в Арктике, 15 % которой остаётся пока неизученной, работает созданная в 2016 году Арктическая океанографическая экспедиция, продолжившая изыскания, проводившиеся в рамках Северной гидрографической экспедиции (СГЭ), работавшей с 1924 по 2011 годы. СГЭ, в свою очередь, была продолжательницей деятельности, начатой легендарной «Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана» в 1910 году под руководством Б. Вилькицкого. План этой экспедиции был разработан при активном участии А. Колчака. На двух ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач», специально построенных для экспедиции по эскизам А. Колчака, она прошла по морям Северного Ледовитого океана с востока на запад, выполняя работы по описанию северного побережья. В 1913 году экспедиция Вилькицкого открыла Землю императора Николая II, (последнее крупное географическое открытие в мире), которую мы знаем сейчас как архипелаг Северная Земля.

Из-за начавшейся Гражданской войны традиционные пути снабжения продовольствием Москвы и Петрограда оказались перерезаны, и в 1918 году начинается подготовка экспедиции по Северному морскому пути для доставки хлеба из устьев рек Лены и Енисея для голодающих городов. Меры были приняты экстре-

ординарные, все требования о необходимых материалах, приборах и продовольствия для экспедиции должны были безусловно выполняться. Начальником был назначен всё тот же Б. Вилькицкий, чудом уцелевший при убийствах офицеров в Кронштадте в феврале 1917 года. Экспедиция была снаряжена, однако высадка английских войск в Мурманске и Архангельске и образование Северной Республики полностью изменила ситуацию. Экспедиционные и торговые суда повезли оружие и боеприпасы для армии Колчака, а назад – продовольствие для мятежной республики. Благодаря огромному полярному опыту Б. Вилькицкого этот поход полностью удался. На следующий год после освобождения от белых войск северных портов было решено продолжить подобные экспедиции. Однако в ходе боёв многие суда получили повреждения, а необходимое оборудование было разграблено. Задачей деда было организовать ремонт судов и оснащение экспедиции. Как видно, сохранившийся экономический потенциал и материальные запасы оказались достаточными, и за несколько месяцев перед началом навигации, пусть «революционными» методами (конфискация нужных материалов, приборов и вспомогательных катеров, мобилизация необходимых рабочих и специалистов), эта задача была выполнена. Флагманом экспедиции стал отремонтированный «Таймыр», потом ещё долгие годы служивший делу освоения Арктики. Забегая вперёд, скажем, что из-за недоверия к царским офицерам, вместо опытного Б. Вилькицкого экспедицию возглавили менее сведущие в полярной навигации люди. Поэтому первый блин вышел несколько «комом». Несколько судов погибло во льдах, но старт следующим советским полярным экспедициям был дан.

Перспектива крупнотоннажного судоходства потребовала немедленного продолжения исследований Белого моря, в особенности пролива, соединяющего его с Баренцевым морем. Поэтому практически сразу после выхода в море «Экспедиции Ледовитого океана» была организована Гидрографическая экспедиция Белого моря. И деда, успешно справившегося с организацией первой

Ледокольный пароход «Таймыр»

экспедиции, назначают комиссаром беломорской. Экспедиция Белого моря носила более прикладной характер – составление подробных лоций для навигации, возобновление работы метеостанций, установка приборов для изучения приливов и отливов и т. д. Материалы обеих экспедиций хранятся в архивах Военно-морского флота (обе экспедиции организовывались военными моряками), поэтому автору получить прямой доступ к ним пока не удалось. Некоторое описание условий работы тех экспедиций можно найти в несколько художественном отчёте Н. Розе /2/. Начался новый этап работы по освоению богатств Русского Севера, который продолжается и в наши дни.

Закончилась навигация – и новое назначение.

Военный билет:

17. 08.1922 – 08.1926 гг. Военно-Политическая академия им. Ленина, слушатель.

Напрасно будем искать сегодня это учебное заведение в списке институтов и академий. Начав своё существование в 1919 г. как Инструкторский институт ускоренной подготовки комсо-

става, в начале 1922 г. по решению Реввоенсовета Республики он был преобразован в Высшие военно-политические курсы имени Н.Г. Толмачёва. Они должны были готовить организаторов партийной и агитационно-пропагандистской работы для политических управлений округов и флотов. В январе 1923 г. Высшие военно-политические курсы преобразованы в Военно-политический институт имени Н.Г. Толмачёва с присвоением ему статуса военной академии. Институт должен был готовить высокопрофессиональные кадры старшего и высшего политсостава Красной Армии и Флота и осуществлять научное обобщение опыта политработы, заниматься вопросами разработки идеологической политики. Его начальником был назначен Л.Д. Покровский. Для размещения новой академии был предоставлен роскошный комплекс только что отстроенных зданий для Министерства торговли и промышленности Российской Империи на Тучковой (ныне Макарова) набережной Васильевского острова.

На расстоянии сотни метров – здания Университета, Академии наук, других исследовательских институтов. В числе лекторов академии были первый президент Академии наук СССР, «отец русской геологии» А.П. Карпинский; нейрофизиолог, академик, директор Института мозга В.П. Осипов; историк академик Е.В. Тарле; геохимик и кристаллограф, академик А.Е. Ферсман, другие крупные ученые.

Николай Гурьевич Толмачёв (1895 – 1919), имя которого носила в то время академия, был одним из организаторов первых политотделов РККА. В 1919 году – заведующий отделом просвещения Петроградского окружного военного комиссариата. По его инициативе были созданы первые курсы политработников, на основе которых была позже образована Военно-политическая академия. В 1919 г. Н.Г. Толмачев входил в Комитет обороны города, и дед, который руководил там подотделом по разгрузке Петрограда, тогда познакомился с ним.

26 мая 1919 г. в бою около станции Преображенская под Лугой Н.Г. Толмачев был тяжело ранен, окружён белогвардейцами и, чтобы не попасть в плен, застрелился. Станция Преображенская в его честь переименована в Толмачёво, где поставлен ему памятник. Дед рассказывал мне о нём и показал его могилу на Марсовом поле. Оказываются липы, которые растут по периметру Марсова поля, слушатели академии посадили в его память.

Итак, дед снова в Петрограде, слушатель академии. До это-

Памятная доска на Марсовом поле

Пам'ятна дошка на Марсовому полі

Умови військової служби, жити одному в порожній квартирі було незручно, і він переїхав до товаришів по навчанню. Вони утворили своєрідну комуну. Навчальне навантаження було дуже високим – 8 годин лекцій кожен день, ніяких канікул, велика самостійна робота. Звичайно, такі труднощі було легше подолати з друзями. Він розповідав, що чотири ромби в петлицях (приблизно відповідає званню віце-адмірала) були тільки у нього і начальника академії Л.Д. Покровського. Смиренність і навіть аскетизм завжди були однією з головних рис характеру дядька, тому носити знаки відмінності він не став.

У академію приймали тільки членів РКП(б), які мали не менше трьох років партстажу, дворічний стаж роботи на командних або політичних посадах в Червоній Армії. Академія мала право виписувати за межі різноманітну навчальну літературу, а викладачі і наукові співробітники могли командуватися з науковою метою в будь-яку точку СРСР, а також за кордон. Виходили наукові праці і навчальні посібники. Вивчення іноземних мов було обов'язковим. Вимоги до слухачів були дуже високими, із трьохсот зарахованих разом з дідом на перший курс, в 1926 р. успішно закінчили навчання тільки сорок вісім осіб. Це був перший випуск нової академії. Академія швидко завоювала високий авторитет. «Ми можемо сказати, – говорив представник Політичного управління Реввійськового Б. Зорин, – що академія, будучи однією з найбільш молодих навчальних установ військового відомства, однією з найбільш молодих партійних навчальних закладів, являється установою, яку можна сміливо показати комусь за бажанням. Можна показати і робочій делегації, і німецькому, і англійському професору, і не тільки в тому сенсі, що подивіться, чого ми досягли в короткий термін, але можна буде сказати комусь з товаришів тут навчитися».

го його навчання: сільська школа, потім Електромінська школа – свого роду технікум. Йому, тепер заслуженому військовому начальнику, запропонували для проживання квартиру на самій престижній, але порожній після революції Мільйонній вулиці, що веде від Дворцової площі до Леб'язької канавки. Дід, звиклий до спартанських умов

військової служби, жити одному в порожній квартирі було незручно, і він переїхав до товаришів по навчанню. Вони утворили своєрідну комуну. Навчальне навантаження було дуже високим – 8 годин лекцій кожен день, ніяких канікул, велика самостійна робота. Звичайно, такі труднощі було легше подолати з друзями. Він розповідав, що чотири ромби в петлицях (приблизно відповідає званню віце-адмірала) були тільки у нього і начальника академії Л.Д. Покровського. Смиренність і навіть аскетизм завжди були однією з головних рис характеру дядька, тому носити знаки відмінності він не став.

У академію приймали тільки членів РКП(б), які мали не менше трьох років партстажу, дворічний стаж роботи на командних або політичних посадах в Червоній Армії. Академія мала право виписувати за межі різноманітну навчальну літературу, а викладачі і наукові співробітники могли командуватися з науковою метою в будь-яку точку СРСР, а також за кордон. Виходили наукові праці і навчальні посібники. Вивчення іноземних мов було обов'язковим. Вимоги до слухачів були дуже високими, із трьохсот зарахованих разом з дідом на перший курс, в 1926 р. успішно закінчили навчання тільки сорок вісім осіб. Це був перший випуск нової академії. Академія швидко завоювала високий авторитет. «Ми можемо сказати, – говорив представник Політичного управління Реввійськового Б. Зорин, – що академія, будучи однією з найбільш молодих навчальних установ військового відомства, однією з найбільш молодих партійних навчальних закладів, являється установою, яку можна сміливо показати комусь за бажанням. Можна показати і робочій делегації, і німецькому, і англійському професору, і не тільки в тому сенсі, що подивіться, чого ми досягли в короткий термін, але можна буде сказати комусь з товаришів тут навчитися».

В 1938 г., пройдя череду чисток и репрессий, академия была переведена в Москву и получила имя В.И. Ленина. Сейчас это Военный университет им. Князя Александра Невского, включающий 11 факультетов различного профиля, несколько научно-исследовательских центров, институт военных дирижёров. Среди выпускников Военного университета – известные государственные, политические и общественные деятели, военачальники, учёные, космонавты, дипломаты, юристы, спортсмены, представители деловых кругов. Более двухсот выпускников стали Героями Советского Союза и Российской Федерации /3/.

В последний год обучения в академии в жизни деда произошли большие перемены. Его встреча с моей бабушкой, Зиновией Евтихеевной Аникиевой, произошла где-то в середине 1925 года. Она была последним, двенадцатым ребёнком в семье статского советника, служившего в Министерстве государственных имуществ. После смерти отца Зинаида, так её называли в семье, была зачислена в Екатерининский институт благородных девиц (точнее Санкт-Петербургский Институт для благородных девиц ордена Святой Екатерины). Институт находился в здании, специально построенном для него по проекту Дж. Кваренги и выходящим фасадом на набережную реки Фонтанки (современный адрес – набережная р. Фонтанки, 36, здание Российской национальной библиотеки). Все подобные благотворительные учебные заведения принимали под своё покровительство императрицы. На содержание института, в котором воспитывалось 200 девушек, тратилось ежегодно 60 тысяч рублей. Обучение длилось шесть лет и принципиально не отличалось от обучения в Смольном институте. Полный набор общеобразовательных предметов, музыка, пение и дирижирование хором, танцы. Перед преподавателями и воспитателями ставилась задача «подготовить девиц к будущему их состоянию и не выводить их из того круга, который природа для них начертала, ... остерегаться, чтобы не дать им новых потребностей и даже знаний, которые могут обратиться в тягость их родителям, когда они возвратятся домой». Осиротевшие дворянки учились за счёт государства. В младшие классы принимали в возрасте от 10 до 13 лет. Чтобы поступить, они должны были уметь читать, переписывать с книги на русском и французском языках, складывать и вычитать в пределах ста, а также требовалось знание основных молитв. Пансионерки носили короткие стрижки и форму – зелёное камлотовое платье с белыми манжетами, пелериной и фартуком из полотна. Подъём

был в шесть утра. Красная дама ежедневно внимательно следила за тем, чтобы у девочек была аккуратно уложена прическа, были чистыми передник и платье. Бабушка о тех годах обучения сказала коротко: «Нас научили жить». Как выяснилось чуть позже, – и выживать. По её рассказам, за отличную учебу она была награждена шифром. Только подготавливая этот очерк, я удосужился узнать о значении этого загадочного для меня слова. Институтки (так их называли) в отличие от фрейлин, которым даровался шифр за принадлежность к знатному дворянскому роду, получали шифры от императорских особ за отличную учебу. Он был похож на фрейлинский, но с небольшими отличиями: он носился, на белом, а не голубом банте, как фрейлинский, и представлял собой монограмму, увенчанную короной, но без бриллиантов. Отличительной особенностью институтского шифра было количество золототканых полос на ленте банта. Вензель на «белой ленте о трёх полосах» – это награда первого класса, вензель второго класса на ленте «о двух золотых полосах» и третьего класса лента с одной золотой полосой. Это давало представление об успеваемости выпускниц (были ли они «хорошистками» или круглыми отличницами). Своего рода «красный диплом» царского образца.

Бабушка окончила институт незадолго до революции и, спасаясь от голода, наступившего в 1918 г. в Петрограде, с невероятными «приключениями» – череда ограблений, обстрелов, захват в Крыму татарами в качестве заложников – пробралась в Новороссийск к сестре, которая была замужем за агрономом, управлявшим большим имением. После окончания Гражданской войны уцелевшие сёстры и братья стали вновь собираться в родовом гнезде на Покровской (ныне Тургенева) площади и встраиваться в реалии новой жизни. О шифрах и дипломах пришлось навсегда забыть. Правда, и «красной косынки» она не надела. По рассказам сестёр – моих двоюродных бабушек – Зинаида была красавицей. Стройная и грациозная, она неизменно завоевывала призы на танцевальных балах того ушедшего «мирного», как его называли в разговорах, времени.

Зинаида. 1926 г.

*Наградной знак
(шифр)
для институток*

Для меня всегда было вопросом, почему руководители, выдвинутые революцией из

рабочих и крестьянских слоев, зачастую выбирали себе жён из социально чуждой, по тем временам даже априори враждебной, дворянской среды. Вероятно, в формировавшейся тогда государственной элите появился запрос на такие качества как честь, чувство долга и т.п., которые, начиная со Средневековья, формировались через понятия рыцарства, через культ Прекрасной Дамы. Смелости, отваги, духа боевого товарищества военных лет стало недостаточно. Получившим образование и определённое положение в обществе молодым командирам необходимы были спутницы жизни с богатым душевным диапазоном, широкими жизненными горизонтами, которые появляются только при умелом воспитании и хорошем образовании.

В русской литературе впервые эта тема зазвучала в «диалоге» двух Лиз: «Бедной Лизы» Карамзина и Лизы из «Барышни – крестьянки» Пушкина. Знаменитую фразу Карамзина – «и крестьянки любить умеют» – Пушкин переосмысливает: не крестьянки, а барышни, прошедшие школу воспитания чувств, умеют любить и достойны действительной любви. Любовь возможна лишь для духовно и душевно развитых натур. Европейское воспитание не делало из институток иностранок. Французский, английский, немецкий и прочие европейские языки, музыка, балльные танцы не меняли национальную структуру души, они просто облагораживали её. Европейская культура только способствовала расцвету её «русскости».

Время показало прочность и удивительную красоту этого союза моих предков. Было всё: бесконечные переезды с места на место, ужас репрессий, тяготы военных лет. Всегда и во всём вместе, до последних дней жизни.

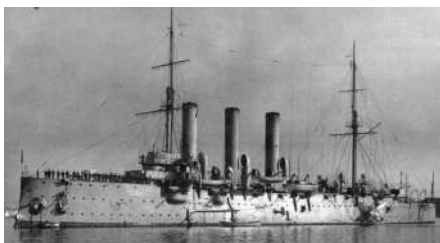
Военный билет:

18. 08.1926 – 10.1926 гг. Комиссар кр. Аврора Балт. флот

19. 11.1926 – 10.1929 гг. Воен. Комиссар э/м «Энгельс» Балт. флот

Сразу после окончания академии дед вернулся на Балтийский флот. Вначале комиссаром легендарной «Авроры», которая была в те годы полноценным боевым крейсером, а затем – опять комиссаром на эсминце «Десна», который успел сменить имя на «Энгельс». Корабли Балтийского флота постоянно совершали учебные походы, в том числе переходы в северные моря, в Мурманск и Архангельск. Основная задача комсостава в мирное время – сохранение боеготовности кораблей, обучение и воспитание экипажа.

С 1927 по 1929 гг. дед работал в Ленинградском горсовете, представляя Балтийский Флот.

Крейсер «Аврора» и флаг корабля с орденом Красного Знамен. 1925 г.

Военный билет:

20. 10.1929 – 01.1932гг. Военный комиссар Электро-минная школа им. А.С. Попова. Балт. Флот

21. 01.1932 – 07.1934 Начальник и комиссар Электро-минная школа им. А.С. Попова. Балт. Флот

Дед через тринадцать лет, теперь в роли начальника, возвращается в свою родную школу, которую в чине унтер – офицера окончил в 1916 году. Немного об этом действительно уникальном учебном заведении /4/. Оно основано в 1874 году под названием Минный офицерский класс и минная школа. Начиная с того времени, под начало минных офицеров, помимо минного вооружения, переходили все электротехнические приборы и установки. При участии Д.И. Менделеева и других русских учёных здесь были созданы прекрасные физический, химический и механический кабинеты, библиотека, лаборатории и мастерские для создания мин, торпед, глубинных бомб и противоминного оборудования. Русский флот обязан Минной школе внедрением на кораблях электричества, минная школа была на тот момент единственной электротехнической школой в России. Её выпускники и преподаватели были лидерами по уровню своей подготовки и исследовательской работы, истинной элитой морского флота России. Среди них Великий Князь Константин Константинович, внук Императора Николая I, президент Императорской академии наук, поэт и переводчик, знаменитый К.Р.; В.Г. Короленко, писатель и журналист, почётный академик Императорской академии наук; вице-адмирал С.О. Макаров, полярный исследователь, кораблестроитель, а с 1899 г. – губернатор Кронштадта.

Конечно, венцом работ Минной школы стало изобретение в её стенах А.С. Поповым радио. До наших дней во дворе здания Минной школы стояла беседка, на крыше которой преподаватель школы А.С. Попов и его постоянный помощник П.Н. Рыбкин провели весной 1895 г. первые в мире опыты по радиосвязи.

Мне представляется, основной причиной назначения деда комиссаром, а позднее начальником этого важного для флота учебного и научно-производственного комплекса было стремление вновь наладить полноценный учебный процесс и установить там надёжный партийный контроль. Дед – с его бескорыстностью, принципиальностью, преданностью идеалом всеобщего равенства и братства, – действительно, был солдатом партии. Он умел завоевать авторитет среди преподавателей и курсантов. Многие из бывших курсантов, уже заслуженные офицеры, в послевоенные годы навещали деда, и я помню их рассказы о тех временах, когда они получили путевку в жизнь.

С 1925 года школа носила название Электро-Минная школа им. А.С. Попова учебного отряда МСБМ (Морских сил Балтийского моря). Задачей школы была подготовка минных машинистов, радиотелеграфистов, электриков для Балтийского и Северного флотов. Среди преподавателей школы оставались специалисты, работавшие с А.С. Поповым, в том числе его ближайший сотрудник П.Н. Рыбкин. По его инициативе были открыты вечерние электротехнические курсы. Продолжалась и научная работа, выпускались статьи и переводы. Вероятно, самой большой заслугой деда за пять лет руководства было сохранение традиций и привычного ритма работы школы, что во времена бесконечных чисток, репрессий и реорганизаций, сотрясавших другие военные учебные заведения, было совсем непросто.

По рассказам бабушки, продолжавшей жить с дочерью в Ленинграде, дед практически всё время проводил в Кронштадте, и они ездили к нему туда на побывку на попутных катерах из Ораниенбаума.

Уже после перевода деда на Тихий океан в 1937 г. Электроминная школа получила новое название: Школа связи им. А.С. Попова Краснознаменного Балтийского Флота. Она продолжала работать и в годы войны, а в 1958 году была переведена в Ломоносов (Ораниенбаум). В здании школы в Кронштадте остался мемориальный кабинет А.С. Попова с первыми радиостанциями и первым в России рентгеновским аппаратом, также изготовленным в лаборатории школы. Теперь это филиал Центрального военноморского музея имени Императора Петра Великого.

Новое назначение – Дальний Восток. В военном билете несколько записей:

22. 07.1934–07.1937 гг. Пом. Полит. Управления безопасности кораблевождения Морских сил Дальнего Востока

23. 07.1937– 04.1938 гг. Военный комиссар СКО

24. 04.1938–07.1938 гг. Военный комиссар Стройотдела Тихоокеанского флота

25. 07.1938–06.1940 гг. Военный комиссар отряда подводного плавания Тихоокеанского флота

26. 06.1940–07.1940 гг. Военный комиссар Инженерного отдела Тихоокеанского флота

Вспоминается фильм «Поезд идёт на восток» с великолепной музыкой Т. Хренникова. Путь на восток – путь в новую жизнь. Для деда – прощание с рутинной, «сухопутной» работой начальника Электроминной школы, для бабушки – прощание с городом юности, где призраки прошлого вновь и вновь мучительно напоминали о себе. Владивосток – город, весь наполненный морем. Сказочно красива природа Приморья, в диковинку был сохранившийся в городе китайский театр с многочасовыми, с перерывом на обед, спектаклями, экзотические китайские базары, и главное, – встреча со старыми друзьями по морской службе.

Немного о положении во флоте. После окончания Гражданской войны в России и вывода в 1922 г. японских экспедиционных войск из Приморья командующий Сибирской флотилией вице-адмирал Г.К. Старк увёл корабли в корейский порт Гензан, потом – в Шанхай, затем – в Манилу, где остатки флотилии были проданы. Из боевых судов Сибирской флотилии во Владивостоке осталось лишь несколько полностью изношенных миноносцев и подводных лодок. В 1926 г. была попытка ввести в строй двух миноносцев – «Твёрдый» и «Точный», но в апреле 1927 г. они пошли на слом. Остальные корабли были проданы на металлолом ещё в 1923 – 1925 гг. Некогда мощные сооружения береговой обороны находились в заброшенном состоянии. Таким образом, в конце 1920-х годов военно-морских сил, способных решать стратегические задачи на Дальнем Востоке, не было.

В 30-е годы начинался новый этап хозяйственного освоения Дальнего Востока, стали активно разрабатываться месторождения руд цветных металлов, золота и каменного угля, строятся новые города: Комсомольск-на-Амуре, Арсеньев, новые гавани, судостроительные и металлургические заводы. В связи с угрозой со стороны Японии, которая в 1931 году ввела свои войска в Манчжурию, было принято решение об усилении Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и срочном создании в этом регионе Морских сил. В начале 1932 года в сложных экономических и политических условиях практически с нуля началось

строительство Морских сил Дальнего Востока. Для их создания переоборудовались торговые и промысловые суда в тральщики, сторожевые корабли и минные заградители. Несколько боевых кораблей были переведены с других флотов, катера и малые подводные лодки перевозились по железной дороге. Личный состав поступал с других флотов и по призыву. Одновременно начала создаваться кораблестроительная база во Владивостоке и Хабаровске, а несколько позже – в Комсомольске-на-Амуре. Создавалась система береговой обороны.

С марта 1932 г. начальником Морских сил Дальнего Востока был назначен Викторов Михаил Владимирович /5/. Флагман флота 1-го ранга (С 1935 г. – командующий Тихоокеанским флотом. С августа 1937 г. – начальник Морских сил РККА. В 1938 г. расстрелян по обвинению в шпионаже. Реабилитирован в 1956 г.). Судьба сводила его с дедом несколько раз: во время Первой мировой войны оба служили на кораблях минной дивизии Балтийского флота, в 1915 году учились в Минной школе Кронштадта, в двадцатые годы – служили на кораблях Балтийского флота.

Перемещение деда во время службы на Тихоокеанском флоте, отраженное в записях военного билета, определялись логикой работы по воссозданию флота. Первой из задач было составление надёжных навигационных карт. Военные корабли, в отличие от гражданских, которые ходят по одним и тем же маршрутам, нуждаются в гораздо большей свободе навигации. Дед назначается комиссаром гидрографической службы. Следующей очередной задачей было создание береговой инфраструктуры флота: новых портов, причалов, ремонтных заводов и складов. Дед становится комиссаром строительного, позднее – инженерного, отделов флота. Тихоокеанский флот получает подводные лодки – и дед становится комиссаром отряда подводного плавания. К этому времени Тихоокеанский флот насчитывал более 60 боевых кораблей и около пятидесяти подводных лодок.

В связи с назначением М.В. Викторова в 1937 г. начальником Морских сил РККА командующим Тихоокеанским флотом становится флагман 2-го ранга Кузнецов Н.Г., один из самых выдающихся советских флотоводцев.

15-летним юношей, приписав себе два года, чтобы быть принятым, Николай Кузнецов в 1919 году вступил в Северо-Двинскую военную речную флотилию, где в эти годы дед был комиссаром. Их знакомство продолжилось в Петрограде, когда Н.Г. Кузнецов в 1923 –26 гг. учился в Военно-морском училище, а дед – в

Военно-политической академии. В 1936 г. Н.Г. Кузнецов отправлен на гражданскую войну в Испанию главным военно-морским советником республиканского правительства. Участвовал в подготовке и проведении боевых операций республиканского флота, обеспечивал приём транспортов из СССР. За службу в Испании награждён орденами Ленина и Красного Знамени.

Так как Тихоокеанский флот неизменно оказывался лучшим по уровню боевой подготовки, 29 апреля 1939 года 34-летний Кузнецов назначен Народным комиссаром ВМФ СССР. Он стал самым молодым наркомом в Союзе и первым моряком на этой должности. Ранее наркомомы были армейский комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов и командарм 1-го ранга М.П. Фриновский. Оба они были активными организаторами репрессий на флоте, причём во всех случаях смена руководства сопровождалась физической ликвидацией предыдущего.

С приходом Н.Г. Кузнецова на должность наркома эта дикая вакханалия репрессий на флоте приутихла, о чём речь пойдёт ниже. Правда, судьба самого Н.Г. Кузнецова была далеко не безоблачной: после войны, в результате разногласий со Сталиным по вопросам развития флота, он был подвергнут суду чести по абсурдным обвинениям в шпионаже. Учитывая его заслуги во время войны, ограничились увольнением и лишением звания. В 1953 г. Н.Г. Кузнецов вновь назначен Главкомандующим ВМФ. При Хрущёве – вновь опала, обвинение в «бонапартизме» и отставка. Поэтому в своих рассказах дед не упоминал ни расстрелянного М. В. Викторова, ни опального Н.Г. Кузнецова.

В 1939 году командующим Тихоокеанским флотом назначен адмирал Иван Степанович Юмашев. Дед был с ним хорошо знаком по службе в Волжско-Каспийской флотилии под командованием Ф. Раскольникова, о чём рассказывалась выше. Освобождение с участием этой флотилии Баку в 1920 г. оказалось практически бескровным. Столь же успешным были авантюрный поход к берегам Ирана для возвращения кораблей царского военного флота и операция по созданию Гилянской республики в северном Иране. Как и дед, И.С. Юмашев вслед за Ф. Раскольниковым в 1921 г. был переведён на Балтику.

Немного моих личных впечатлений. В последний год войны я оказался в семье деда в Баку, т.к. мама с младшим братом уехали в Ленинград, чтобы вернуть свою квартиру. Квартира была кем-то занята, но, так как отец с первых дней войны был призван в армию, её удалось возвратить. Процесс был небыстрым, и я почти

три года прожил в Баку. За год до поступления в школу бабушка с дедом повезли меня в Ленинград. Как истинный моряк, дед решил ехать водным путем: от Баку до Астрахани на морском корабле, а затем по Волге до Москвы – на речном. Поездка была долгой и незабываемой. Казавшееся бескрайним Каспийское море, красавица Волга, тогда не перекрытая плотинами, а главное – рассказы деда, коренного волжанина. Наибольшее впечатление произвели уставленные сгоревшими танками и машинами поля под Сталинградом, где дед воевал в 1942 –43 гг., и куда мы поехали во время стоянки корабля.

Помню, как мы с дедом спускались в машинное отделение колёсного парохода, где ритмично двигались огромные блестящие рычаги паровой машины, изучали створные знаки и корабельную лексику: палуба, ют, кнехты. Вот и Москва. Корабль прибыл на речной вокзал поздно вечером, и нас встречал на казавшемся мне огромным ЗИСе Семён Фёдорович Жаворонков, сокурсник деда по учёбе в Военно-политической академии. Было уже поздно, зажглись огни, и после малоэтажного Баку Москва казалась сказочным городом. Знакомство с Москвой началось для меня с Красной площади, куда мы поехали, чтоб услышать полночный бой курантов. Красные звёзды над Кремлём и торжественный перезвон, который я раньше слышал только в новогодние праздники из чёрной тарелки репродуктора – это впечатление на всю жизнь.

Мы остановились в квартире у С.Ф. Жаворонкова, маршала авиации, тогда командующего авиацией Военно-морского флота. По рассказам деда они были сокурсниками по учёбе в Военно-политическом институте (академии) имени Н.Г. Толмачёва. После окончания академии их пути разошлись: деда отправили комиссаром корабля на Балтику, а С.Ф. Жаворонкова – комиссаром авиабригады на Северный Кавказ. Запомнился казавшийся чудом первый телевизионный приёмник и масса моделей самолётов и кораблей, которыми мне разрешили играть. В этом доме были квартиры других морских начальников, поэтому во время вечерних встреч вся коллекция самолётиков и кораблей была в моём распоряжении.

Одним из участников этих встреч был И.С. Юмашев, тогда Главнокомандующий Военно-Морскими силами СССР. Все трое – мой дедушка, С.Ф. Жаворонков, И.С. Юмашев – в конце тридцатых годов вместе служили на Тихоокеанском флоте, участвовали в советско-японском конфликте на озере Хасан. Все

трое на разных фронтах воевали в советско-германскую войну.

Много позднее, после очередных перестановок в правительстве, И.С. Юмашев в 1951 г. был снят с поста министра Военно-морского флота и переведён в Ленинград начальником Военно-морской ордена Ленина академии имени К.Е. Ворошилова. Их встречи с дедом, который после выхода в отставку тоже жил в Ленинграде, стали более частыми. Иван Сергеевич пережил деда на несколько лет, и так случилось, что их могилы на Серафимовском кладбище буквально рядом.

Вернёмся на Дальний Восток в самые счастливые, по их рассказам, годы. Всё огромное побережье Охотского моря представляло практически terra incognita, поэтому суда гидрографического отдела, составлявшие лоцманские карты, зачастую оказывались первыми за много лет, кто посещал эти места. Устья сибирских рек изобиловали рыбой, Камчатка поражала гейзерами и вулканами. Даже на близких к Владивостоку островах, куда в плаванье разрешалась брать офицерских жён, по всему берегу – царство морских звезд и ежей, трепангов, губок и моллюсков.

По рассказам бабушки жёны офицеров, объединённые в женсоветы, вели постоянную работу с новобранцами, стараясь облегчить им процесс привыкания к флотской службе. Помогали писать письма домой (многие из матросов были малограмотными), организовывали досуг, выслушивали жалобы и помогали решать возникающие проблемы. Контакты между жёнами моряков переходили в многолетнюю семейную дружбу. Наверное, наиболее близкая, именно в этом ключе, дружба связывала бабушку и деда с семьёй Воронцовых. У меня нет точных сведений, когда дед познакомился с Михаилом Александровичем Воронцовым. Судя по снимкам, сохранившимся в семейном альбоме, это произошло в 1928–29 гг. в Ленинграде, когда Воронцов работал в Северной гидрографической экспедиции.

Во Владивостоке Воронцов был начальником Гидрографического отдела Управления обеспечения безопасности кораблевождения Дальнего Востока, а дед – комиссаром этого отдела, поэтому их служебные отношения были самыми тесными.

В 1938 году дед и М.А. Воронцов из рук командующего Тихоокеанским флотом Н.Г. Кузнецова получили юбилейные медали «XX лет РККА» (РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия). Этой медалью награждались лица командного и начальствующего состава, прослужившие к 23 февраля 1938

года 20 лет в кадрах. Эту медаль уже давно не встретишь на груди офицеров и генералов. Поколение кадровых военных, на плечи которых через три года легла тяжесть самых первых дней Великой Отечественной, ушло в мир иной. А тогда эта медаль ценилась по статусу почти наравне с орденом Боевого Красного Знамени.

Несколько слов о жене Михаила Александровича Елене Онуфриевне, наверное, самой близкой подруге моей бабушки. По рассказам, это была красивая, обаятельная, со светскими манерами женщина. Мои впечатления об этой семье относятся к послевоенному времени, поэтому об этом позже.

Надо сказать, что середина тридцатых годов была временем, не боюсь этого слова, чудовищных репрессий на Тихоокеанском флоте. В монографии /6/ приведены ужасающие цифры о количестве расстрелянных и репрессированных командиров всех рангов по родам войск и по годам вынесения приговоров. Количество обвиняемых в «преступлениях» было так велико, что вместо военных судов, обязанных соблюдать хотя бы видимость судопроизводства, назначались «тройки», выносившие приговоры без судебного следствия, допроса обвиняемых и т.д., причём приговоры не подлежали обжалованию и приводились в исполнение на следующий день. Многие подразделения флота были практически обезглавлены.

Судьба продолжала хранить деда. По его рассказу летом 1937 г. они поехали с бабушкой в отпуск в санаторий в Сочи. Дней через десять пришла телеграмма из Владивостока с приказом вернуться в часть. Путь по Транссибу небыстрый, порядка двух недель, и дед был обязан на каждой крупной станции отмечаться в комендатуре. В Чите он узнал, что проходил по очередному делу о вредительстве, и за утерю бдительности понижен на несколько ступеней в звании. В то время подобные дела «тройки» рассматривали быстро: для тех, кто оказался на месте: расстрел или тюрьма, а ждать отсутствующих не было времени.

*М.А. и Е.О. Воронцовы с сыном
Юлием. 1929 г.*

Судьба брата деда, Аристарха Макарова, тогда – торгпреда в Германии, сложилась хуже. Он был вызван из Берлина в Москву, где внезапно скончался от сердечного приступа. По семейным преданиям, ему предложили альтернативу: арест его и семьи, допросы, ссылка и высшая мера, или добровольный уход из жизни, путём Михаила Фрунзе и Серго Орджоникидзе.

После начала советско-германской войны многие из репрессированных в тридцатые годы, пройдя пытки на допросах и ужас лагерей, были вновь призваны в действующую армию. К чести морских офицеров надо отметить, что только один из нескольких тысяч вернувшихся в строй перешёл на сторону врага. Остальные сумели преодолеть чувства унижения и обиды и остались верны воинскому долгу /6/.

Дед продолжать служить на Дальнем Востоке до лета 1940 г., времени окончания советско-финляндской войны. За полгода до этого, М.А. Воронцов был отозван в Москву и назначен Военно-морским атташе в Германию. Несомненно, в качестве комиссара гидрографического отдела, дед тоже способствовал этому назначению.

Литература

1. Летопись Севера. АН СССР. Комиссия по проблемам Севера. Гос. изд. Географической литературы. Москва, 1957.
2. Центральный гос. архив Военно-Морского флота СССР. Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. Фонд № р-898, опись № 1, 1918–1922.
3. Летопись Военного Университета. www.vumo.vil.ru
4. Минный офицерский класс. <https://radio.ru/foto-i-video/minnyj-oftserkij-klass/>
5. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012
6. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937-1938. Тихоокеанский флот . Санкт-Петербург: СПб гос. ун-т, 2013

Окончание следует.

Санкт-Петербург